

17

as broadcast

Ф.СТЕПУН
Ю.ИВАСК

/Сост.-ред. ЮИ/

С ДРУГОГО БЕРЕГА № 2202

1/2
~~22.02.85~~ 1.3.85

К 20-летию со времени смерти Ф.А.Степуна:

- Вступит. текст Ведущего (Ю.И.-ЗВ)

а/ Беседа Ю.Иваска с Федором Степуном

++)

б/ Ф.Степун: "Миросозерцание Достоевского" (отрывок, сб. "Встреч

ВЕД...
/ИИ/

Говорит РС. В программе "С другого берега" мы предлагаем вам послушать последнюю из ряда передач, приуроченных к 20-летию со дня смерти русского философа, писателя и социолога Федора Августовича Степуна. В передачу входят: беседа с профессором Степуном, записанная в 1960 году, и отрывок из его статьи "Миросозерцание Достоевского". Вступительное слово Юрия Мельникова.

(+) Запись 1960 г., из Спец. Передачи 23/24.2.75,
с новым текстом Ю.Мельникова.
++ из "С др. берега" от 12/13.2.81.

Ф. П. ШИПЕ

СТЕПУН

10. Шипе
23/24.2.75.

~~СПЕЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕДАЧА~~

~~К 10-летию со дня смерти Ф.П. Степуна~~

~~ВЕДУЩИЙ: 10 лет тому назад, 23-го февраля 1965 года, в Киеве скончался русский мыслитель, писатель и общественник - профессор Федор Августович Степун. В связи с этой годовщиной, мы предлагаем вниманию наших слушателей отрывок из беседы с профессором Степуном, которая была записана в студии Радио Свобода летом 1960 года.~~

~~Вступительное слово Бريا Гельникова.~~

ГЕЛЬНИКОВ: Начнем с конца. В заключении часовой беседы, из которой вы услышите четвертую часть, ~~собеседник~~ ^(- поэт и лит. критик Юрий Шипе) Степуна обратился к нему с такими словами:

Шипе: Федор Августович, ну я думаю может быть вы согласитесь с тем, что все-таки сейчас печальное время - рассеяние наше, но великое наследие и Киевской Руси и Московской Руси и Петербургской Руси, включая в конце этот маленький короткий серебряный век, может как-то возродиться и может как-то, говоря проще, понадобиться. Как вы думаете?

ЧЕЛЫНИКОВ: На что Степун, ему тогда было 76 лет, со свойственной ему уверенностью, много думавшего и много решившего человека, ответил:

СТЕПУН: Глубоко уверен, что понравится. Из всего, что вы сказали, с одним только не согласен - Россия наша, потому что я ей принадлежу, понимаете ли. Я ее никому отдать не могу и она себя из меня убрать не может.

ЧЕЛЫНИКОВ: Но вы здесь, они там.

СТЕПУН: Нет, но она может быть больше здесь, чем там. Или я уже давно... Она ни здесь, ни там. Уже очень много, к возмущению некоторых эмигрантских критиков, например, писал о России и вчера ~~о русской литературе. Вчера повторил на съезде, что~~ есть только одна литература русская там и здесь, и есть две агитмакулатуры - эмигрантская и советская, но литература одна, и мы все больше и больше перекликаемся.

→ ВСТАВКА

~~ЧЕЛЫНИКОВ: В жизни радостным волнением, услышав бы Степун, доживи он до наших дней, ту же самую мысль о неделимости русской литературы, русской культуры из уст писателя, больше чем вдвое его младшего, и главное писателя оттуда, из той России, из которой он сам, Степун, был выслан в 1922 году, и в которую он всю долгую еще жизнь за рубежом продолжал пылливо вглядываться, вдумываться со скорбью, но и с надеждой, и всегда с любящим сердцем. Но не взирая на свой юбилейский возраст, скончался он скоропостижно, вернувшись домой~~

ВСТАВКА на стр.2

В 70-х годах и вплоть до настоящего времени, в связи с новым исходом из советской России писателей, поэтов, литературоведов, философов; - снова стал будоражить умы вопрос: ~~существования~~ одной или двух русских литератур. Многие остро ощущают противостояние "официальной" и "неофициальной", "советской" и "диссидентской", "подневольной" и "свободной" литератур; возникло и горячо обсуждалось понятие "промежуточной литературы", "промежуточных писателей". Но, если не ошибаюсь, большее признание получили голоса, утверждающие все же единство русской литературы. Нам, знавшим Федора Августовича Степуна, бесконечно жаль, что он не дожил до третьего поколения пореволюционной эмиграции, - он, высланный в 1922 году за границу и всю свою долгую жизнь продолжавший пытливо вглядываться, вдумываться в новую Россию, со скорбью, но и с надеждой, и всегда - с любящим сердцем. Степун работал вплоть до своей внезапной смерти 23 февраля 65 года. ~~он умер~~ (на 81-м году жизни, вернувшись домой после литературного вечера в Баварской академии изящных искусств - той самой, в которой ныне, бывает, выступают новые ее члены: или гости: Бродский, Максимов, Войнович, Зиновьев, Копелев, Синявский, Эткинд, или путешественники из Советского Союза: Андрей Вознесенский, Юрий Белов, Владимир Солоухин. Не дожил Федор Степун до них и многих других, в первую очередь - до Солженицына, в котором он открыл бы, при полном различии в характерах, некоторые близкие ему взгляды и умонастроения. ~~Многие близкие ему взгляды и умонастроения, хотя и разошелся бы с ним во многом. Сужу по той позиции, которую Солженицын~~

с доклада, на 82-ом году жизни. Не дожил он до журнала "Континент" и его главного редактора Владимира Таскимова, как не дожил до встречи с другими представителями нового поколения русской культуры в изгнании. И прежде всего с Александром Солженицыным, в котором он открыл бы, при полном различии в характерах, много удивительно близких ему умонастроений, хотя и разошелся бы с ним во многом. Думаю, что не ошибаюсь в этом.

10 которую Солженицын занимает в ^{идущей} ~~настоящей~~ большой дискуссии о прошлом, настоящем и будущем России и сравниваю ^{ее} ~~его произведения и публикации~~ ~~с~~ с одним из последних трудов Степуна. К сожалению, эта книга еще не переведена с немецкого на русский, называется она "Bolshewismus und christliche Existenz", т.е. "Большевизм и христианское бытие" и представляет собою ^{спыт / историко-социологического} ~~своеобразного~~ ^{и культурно-философского} ~~социологического анализа~~ истоков и значений русской революции. ^{Некоторые} ~~и~~

тем и лейтмотивов этой книги касается Степун и в беседе, из которой вы сейчас услышите ^{выдержки} ~~Беседа велась в Мюнхенской студии РС в 1960 году.~~ ~~Включая магнитную запись.~~

г.п:

Вся эта эпоха - предреволюционная эпоха, которую иногда называют "серебряным веком", принадлежит к прошлому. И вы участвовали, вы ступили в эту эпоху юношей и затем принимали в ней творческое участие. И вот что осталось от "Серебряного века". [Столько религий - столько поэтов или сколько поэтов - столько религий. И вот, что осталось от этих разноречий, от этих заветов, от этих пророчеств: от

Вопросы задавал пет и мс. кридик Юриш
/ etc / Иваск

Соловьева до Блока, Бердяева.² И у вас тоже есть свои заветы. Что от этого осталось от заветов "Серебряного века"?

СЕРГЕЙ: Этот вопрос очень сложный и нужно было бы очень подробно о нем говорить, но я думаю, что вообще в истории никогда ничего не пропадает. Пропадает только эпохальное оформление вечных основ человеческой жизни, человеческой истории. Значит, в символизме останется все то, что было не только "эпоха", но то, что было эпохальным оформлением каких-то вечных основ. И в символизме этих вечных основ было, значит, гораздо больше, чем во всех одновременных школах, больше, конечно, чем у "Знания" и Горького, больше чем у футуристов, там этого вообще, значит, не было. Не буду особенно говорить о Хлебникове — в этой мезнятице может быть есть и мистическое косноязычие, но это очень сейчас сложно, больше нет... И потом больше, чем от акмеизма, если, так сказать, считать акмеизмом, значит, теорию Гумилева плюс лучшие технократические стихи Брюсова, понимаете ли. Все-таки Вячеслав Иванов прошел большую школу, отказался от своего дионисизма, от своих менад. Прошел через большое сознание какой-то своей греховности и пришел к каким-то большим первоосновам, значит, христианства: "Христианство есть для меня самое глубокое, конечно, воплощение ^{еи} ^с отличной трансцендентности" — вот, что трансцендентное стало, значит, ликом, ^с это есть. Я думаю, что у Блока в очень искаженном виде, но все-таки тоже начало вечности и даже и своеобразное начало христианства все-таки

есть. Не случайно он эти свои "Двенадцать" кончил образом Христа.

В Белом очень неудачное стихотворение о Христе и т.д. и все это антропософски изломано у Белого, "революционно" изломано, так сказать, у Блока; все это было потом у Вячеслава Иванова мифически вначале как-то несколько засурилено, если так можно сказать,

но все-таки здесь прозвучала тема ослиной трансцендентности. Я думаю, что это есть самая большая тема, которая в русской истории

есть. И понимаете, если бы вы мне сказали бы, кто является наследником "Серебряного века", то я назвал только одно имя - это имя

Пастернака, которого я считаю самым определенным символистом, по-

нимаете. [Он говорит об очень многих людях, но слово "гениальный"

у него отнесено, насколько я знаю, во всех описаниях только один

раз/оно отнесено к Белому, понимаете.] Он говорит, что задача - (это не

замечательное слово!) - "задача искусства заключается в том, как те-

перь думает: чтобы всегда делать новое, но чтобы на новой высоте

и новыми методами всегда воспроизводить прежние вечные модели".

Для меня это тот путь, который остается ... Скажите, вся русская религиозная философия, она же идет... Ведь кроме русской религиоз-

ной философии ничего в России нет! Бердяев, Булгаков, Франк, Лос-

ский, Федотов - это все все-таки соловьевцы! А что же кроме того?

Ну, Лосский немножечко, так сказать, выдумывает, не очень аккуратно...

по-моему, понимаете ли.

ИВАСК:

Розанов!

СТЕПУН: Розанов! Конечно, совершенно замечателен. И другого пути вообще нет. Я все-таки думаю, что путь России остается .... и потом, вот, заплеванная русская интеллигенция, понимаете ли. Но ведь Европа гибнет без интеллигенции! Где есть только партии, а над партиями господа профессора, которые ничего не делают и ничего делать не могут, которые все-таки в порядке политическом импотенты, понимаете ли. Они же все ищут какого-то носителя духовно-политического творчества. И русская интеллигенция не была ни партией, ни классом. Она была, в конце-концов, именно субъектом духовного оформления жизни. Она поскользнулась, согрелась, пала мордой в кровь, понимаете, нагадила вокруг себя / тут я могу быть почти также радикален как Ульянов, который обругал всю Россию ради этой интеллигенции очень глупо/. Но все-таки это все было, понимаете, и я думаю, что какое-то восстановление этого орденского начала, а знаете, от кого это слово происходит? Это как-то Ильяша Фондаминский еще ~~не знал~~, я это совершенно недавно нашел, что определение интеллигенции как ордена - это в письме у Анненкова, где он, значит, говорит: "И все мы нечто подобное революционному ордену, мы друг друга не знаем, но мы друг друга узнаем с первого взгляда, мы являемся носителями надежд всех осужденных и мы представляем величайшую опасность для власти имущих" - цитата наизусть, но довольно точно, я ее много раз, значит, писал. Так что я думаю, что, в конце-концов, в России, в будущем,

как заведение русской религиозной философии, соловьевство со все-
ми ее разветвлениями, понимаете, на Бердяева и Булгакова и Франка
и Трубецких, как завет символизма, теперь воспроизведенный или
поднятый на новую высоту Пастернаком и многими другими, которые
сейчас ... - вот этот путь, есть тот путь, который она должна ид-
ти. Это, конечно, ^{Горький} ~~Сергей~~ Павлович, не пророчество в смысле указания
того, что будут, но собственно говоря, мы с вами уже говорили -
пророк, который требует и предупреждает! Вот я думаю, что надо пре-
дупредить и надо, значит, требовать, чтобы в России в общественно-
политической жизни, чем бы она не была демократией или, так сказать,
своеобразной диктатурой - но во всяком случае должен быть создан
субъект - носитель духовно-нравственных и волевых сил, которые бы из центра,
так сказать, русской жизни, которое я все-таки считаю православие, в
котором мне особенно дорого / я об этом много писал и католики на
меня нападали /, есть то, что мы исповедуем лицо Христа, а не бо-
гословскую систему. Богословская система связана с эпохой, с мета-
физикой, она уже становится неприемлемой. И не моралистические за-
коны, когда Христос говорил: "Познайте истину и истина ^{освобождает} вас" - он
еще не был богословом и уж совсем не был томистом, но он не был и
законником в древне-старом смысле. Истина - был он, т.е. исповеда-
ние Лица. И это исповедание Лица переходит из религиозной ^{сферы} в сферу
культуры, и потому всякое творчество - и научное и художественное -
должно быть как-то исповедания трансцендентного лица, лица транс-

цендентности. Я не говорю, оно должно быть христианским, это слишком много, но одна трансцендентность должна, так сказать, быть благословением, под которым я творю и под которым я живу.

ВЕРНУТЬСЯ
ИЗБАВЛЕНИЕ

ВСТАВКА стр. 8а

А еще можно спросить: интеллигенция. Ну, очень неопределенное понятие. До революции, в XX веке, именно в XX, начиная, может, с 90-х годов, все-таки было две группы интеллигенции. Одна была, говоря грубо ... была от Белинского, от Чернышевского, а другая интеллигенция, вот эта культурная интеллигенция, к которой принадлежали поэты, была от Владимира Соловьева и от Достоевского. А может быть все-таки эта была одна и та же интеллигенция. Что вы об этом думаете?

СТЕПУН:

Я определенно думаю, что это была одна интеллигенция. Если определять интеллигенцию, то тем, что я назвал её "орденом", она уже определена. Орден, который во имя... был, так сказать, "единством" - это терминология Владимира Соловьева - был "единством креста и меча". Значит, крест отпал в одном лагере, вот этой революционной интеллигенции, но у них не отпала ни вера, ни образ совершенства, образ истины. У них социологические теории, вот значит, Сен Симона и потом другие... целый ряд, и потом левые гегельянцы, и потом Фрейд и Бахьянцы, и потом фалангисты и наконец марксисты ... но ведь все это у них не теория: это абсолютные истины, требующие исповеднического к себе отношения. Значит это в конце

ВСТАВКА на стр.8

Говорит РС. В программе "С другого берега" вы слушаете беседу с писателем, философом и социологом Федором Августовичем Степуном. Запись 1960 года.

концов, тоже есть некоторые исповедание религиозного образа совершенства. Значит, интеллигентство состоит в милитантном отношении к истине, в жертвенном пафосе служения — не классам, не всем, ^{но} целому народу, понимая народ, опять-таки, как некоторое оличенное отношение трансцендентной реальности. Вот сейчас современные социологи оспаривают, но это же была идея и Комтэ и Сен-Симона, и если хотите Маркса: "Буар пур превуар э превуар пур превуар" — вот это активное знание, истина действующая. Это очень правильное и очень русское начало. У Михайловского сколько раз цитировалось: "Истина — справедливость, истина — добро: одно и то же", и потом это сказано у Достоевского: "Русская идея... самая русская идея есть идея осуществления идей". Мы это творили, на этом мы и сорвались, понимаете, потому что не в меру поусердствовали. Но я думаю, что вот это требуется и самим христианством: отсюда, так сказать, старчество должно быть дополнено. Самое не-^{было} счастье вот России/в том, что с одной стороны по стопам Иосифа Волоцкого это дошло, понимаете, через Петра Великого до прокурора Святейшего Синода. Это был цезарепапизм, в которой, ^и вначале церковь и государство, были два равносильных меча — в руках, может, того же Грозного. Петр Великий потом этот церковный меч несколько, так сказать, подчинил государственному мечу, но он называл себя "епископ епископов" и обещал русскому народу не только хлеб и все, но и духовное блаженство, в нем это осталось; понимаете. И наконец, По-

Бедоносцев, который все-таки хотел тоже русское государство подчинить ^{царю} русскому началу. Ну вот, эта тема одна, она выряддалась.

Она не дай Бог, чтобы возродилась. А другая тема - это тема Нила Сорского, она ушла в монастыри. В конце концов она создала очень многое, она питала как-то и вела всех людей, мы знаем от Тоголя через Толстого, Леонтьева. И даже Толстой ведь, в конце концов, поехал в монастырь. Но в том-то и дело, что мистическая тема была жизненно бездейственна в общественном смысле, о общественное, синодальное христианство потеряло свои христианские основы. И вот теперь, собственно говоря, надо нам задним числом сгущения духоносной темы Нила Сорского и старчества с общественной совестью русской творческой интеллигенции. Таковы мои утопические, скажете вы может быть, мечты. Но, господа, подумайте, за последнее ^{время} только утописты делали историю - большевики и фашисты. А все люди, занимавшиеся "реальной" историей, сидят сейчас и боятся, как бы их не выгнали какой-нибудь струей, понимаете, не то что струей водяной, но может и кровавой из их клеток. Ведь доказано, что реальная политика есть химера! И доказано, что ~~то-то~~ большевиками, что только вера двигает историей. К сожалению, их вера - недобрая вера ...

^{КВАК:} И испаряется?!

Степун: И испаряется. И я думаю, что так сказать, что эту ложную веру нужно без утопии, трезвенно, шаг за шагом творить в русской будущей грядущей жизни.

+*) Отговорка, конечно: не "через Толстого", а через "Достоевского". Фёдор Степун продолжал:

||→ ВЕДУЩИЙ: Говорит РС. В программе "С другого берега" вы слушали беседу с писателем, философом и социологом Федором Августовичем Степуном, записанную в нашей мюнхенской студии в 1960 году. Вел беседу поэт и литературный критик Юрий Иваск.

Закончим мы эту передачу - последнюю в цикле, приуроченном к 20-летию со дня смерти Федора Степуна 23 февраля 65 год, - отрывком из его статьи "Мирозерцание Достоевского". Статья опубликована, наряду с другими литературоведческими работами Степуна, в сборнике "Встречи" (Мюнхен, 1962, Товарищество зарубежных писателей). Читает Юрий Мельников.

ИТЕЦ:
/нощ/

ощущение сложных соотношений не только своих понятий, но и стоящих за ними переживаний.

Достоевского часто называли младшим братом славянофилов, выдвигая на первый план его враждебное отношение к католической церкви с ее аристотелевским рационализмом и папской авторитарностью, а также и к пустотрудому западному либерализму. Это, конечно, верно. Но тем не менее Достоевский, по всему строю своих чувств и по стилю своего мышления, отнюдь не был типичным славянофилом. Все славянофилы: Хомяков, братья Киреевские, Самарин и другие — все это дети состоятельных родителей, выпестованные в атмосфере стародворянских гнезд с их бытовым покоем и традиционным православием. Этим покоем дышат все письма и все писания ранних славянофилов. Хотя они много писали, они все же не были профессиональными писателями и уже никак не профессиональными журналистами, как они не были и не могли бы быть профессорами. Всему этому они всем стилем своих мыслей и чувств чужды. Их бытовая и духовная отчужденность от порожденной Петром Великим империи ни в чем не сказывается с такой отчетливостью, как в замечании Хомякова, что он, попав ребенком в Петербург, почувствовал себя в языческом городе и испугался, что его принудят отречься от православной веры. Хотя славянофилы во многом относились весьма критически к современной им русской государственности и хотели многих изменений, они все же были баловнями своей эпохи и чувствовали себя в ней дома. Отчаяние и всякий разрушающий экстаз были им чужды.

Достоевский — человек совсем другого быта и душевного склада. Он вырос в тесноте и темноте городской чиновничьей квартиры, под давлением тяжелой руки деспотического отца. В военно-инженерном училище он чувствовал себя заключенным и страдал от того, что отец сунул его в это заведение исключительно по материальным соображениям.

После пяти лет писательской работы Достоевский был, как известно, приговорен к смертной казни и после ее отмены десять лет просидел в тюрьме и ссылке.

О степени серьезности и глубины революционных настроений молодого Достоевского в последние годы возникла интересная полемика между двумя крупными исследователями

19

писателя. Возникла она в связи с письмом поэта Майкова к Висковатому, в котором он сообщал, что Достоевский принадлежал не только к литературному кружку Петрашевского, но и к политически гораздо более серьезной организации Дурова. Лесковский не придает этому письму никакого значения, считая, что литературно-музыкальные вечера Дурова были политически немногим серьезнее заседаний кружка Петрашевского. В противоположность ему Мочульский с фактами в руках пытается доказать, что Достоевский в сороковых годах был весьма революционно настроен, и потому естественно предположить, что он входил в кружок активных дуровских революционеров, которые считали необходимым готовить народ к восстанию и создать с этой целью тайную типографию.

20

В пользу Мочульского говорит статья самого Достоевского за 1873 год («Дневник писателя» — журнал «Гражданин»), в которой он, полемизируя с либеральным «Русским миром», спрашивает своего оппонента, почему он думает, что петрашевцы не могли бы превратиться в нечаевцев. Называя себя самого «старым нечаевцем», он пишет: «Позвольте мне о себе сказать. Нечаевым я, вероятно, не мог бы сделаться никогда, но нечаевцем может быть и мог бы... в моей юности». Это признание, конечно, не доказывает, что Достоевский действительно был активным деятелем дуровского кружка, но во всяком случае оно оправдывает мнение, что письмо Майкова отнюдь не выдумка.

21

За годы тюрьмы и ссылки Достоевский из безбожника превратился в верующего христианина и из революционера в человека консервативных убеждений, — но отнюдь не в консервативного человека. Став верным сыном Церкви и защитником монархии, Достоевский все же остался революционером. Это со свойственной ему точностью и оригинальностью отметил В. Розанов: «Достоевский относится к Европе, как революция к старому режиму». Эту мысль Розанова впоследствии на свой лад развил Мережковский в своей книге «Пророк революции». Встречается она в парадоксальной формулировке и у Штайнберга, по мнению которого Достоевский даже и государя императора ощущал «богопомазаньем воплощением революционного призвания России». По сравнению со славянофилами Достоевский был существом гораздо

14

~~40~~

более окрыленным, но и менее укорененным в любимой им земле, чем они.

Всем сказанным объясняется и то сближение между свободой, как богоисполненным послушанием истине, и свободой, как революционным восстанием на Бога, которое так характерно для Достоевского. Евангельские слова: «Я есмь путь, истина и жизнь», с поразительной точностью отразились в мирозерцании Достоевского. Тот жизненный путь, которым он пришел к вере, чувствуется из его слов о христианстве. Твердо веруя, что свобода требует послушания истине, Достоевский верует и в то, что истина обретается лишь на путях свободы. Он никогда не только не мог бы принять проповедуемого Великим инквизитором насильнического подчинения человека истине, но он не принял бы и истины без борьбы за нее, отказался бы от истины, которая была бы ему дарована вместе с его рождением. Живая и крепкая вера в Бога казалась ему возможной лишь в результате проигранной человеком борьбы против Него. Веру человека, который сказав «Верую, Господи», не поспешил бы прибавить «помоги моему неверию», Достоевский никогда не почел бы за живую веру. Ничто не было ему так чуждо, как самодовольное фарисейство. Его христианство было христианством мытарей и преступников. Об этом с большой и даже соблазнительной ясностью говорят пропущенные в окончательной редакции «Карамазовых» слова старца Зосимы: «Люби, — говорит он — во грехе их, люби и грехи их, ибо сие уже божественная любовь». И наконец совсем уже соблазнительные слова: «люби грехи». В основе этого не только личного, но почти что положительного отношения ко греху лежат, конечно, преклонение Достоевского перед страданием, как величайшей духовно-творческой силой человека и как главным свойством русского народа. Требование, чтобы каждый человек отвечал за все и за всех, неизбежно ведет к углублению и увеличению страдания в каждом человеке и во всем мире, к накоплению страдальческого опыта, а тем самым и к углублению творческих сил человечества в борьбе за усовершенствование жизни.

Что такое понимание христианства не могло безболезненно слиться с прочно укорененным традиционно-бытовым православием, это ясно. Достоевский жаждал не успокоения в прошлом, но беспокойства в будущем. Хотя он, и как художник, и как религиозный тип, был полной противоположностью Толстому, он мог бы повторить слова Яснополянского проповедника: «Успокоение — душевная подлость».

22

23

24

31

ВЕДУЩИЙ: Этим отрывком из статьи Федора Степуна "Миросозерцание Достоевского", из сборника "Встречи", изданного "Товариществом зарубежных писателей" в Мюнхене, в 1962 году, мы заканчиваем цикл передач, приуроченный к 20-летию со дня смерти Федора Августовича Степуна.

Прощаясь с вами, напоминаем, что программа "С другого берега" .....

/станд.объявление/
